

Книга Вавилов Ю.Н.

Небольшой, утопающий в зелени подмосковный город Шатура... Грибные леса, черника и клюква, караси в карьерах торфяных разработок... 25 июля 1920 года в этих местах была введена в эксплуатацию временная Шатурская электростанция на местном топливе – торфе, мощностью 5 МВт, а 6 декабря 1925 года состоялось открытие первой очереди Шатурской ГРЭС, введённой по плану ГОЭЛРО, с двумя агрегатами мощностью по 16 МВт каждый. Первый кирпич в основание станции положил начальник строительства Александр Васильевич Винтер (позже начальник строительства Днепрогэса, выдающийся энергетик, академик АН СССР). Станции присвоено имя В.И. Ульянова - Ленина. Вторая очередь Шатурской ГРЭС вступила в 1928 - 1930 г.г., достигнув мощности в 180 тыс. кВт.

Линия электропередачи на металлических опорах 115 кВ Шатура - Москва проходила не только по Московской области, пригородам, но и по центру столицы к подстанции ГЭС-1 на Раушской набережной. А вместе с ГРЭС рос и город. В 1920 годы здесь вырос настоящий город - сад для высшего инженерного и руководящего состава ГРЭС, для работников станции и обслуживающих её предприятий. К проектированию будущего города и самой электростанции привлекли известных советских архитекторов - трёх братьев Весниных.

Жители Шатуры и ближних поселков находили работу в основном на электростанции или на вспомогательных предприятиях. Для местной молодежи не было раздумий – на кого учиться или где работать. Конечно, на энергетика и, конечно, на электростанции! Там, где работают или работали родители, старшие братья и сестры, родственники.

В 1930 году мой отец, Николай Степанович Вавилов, 19-летним парнем приехал из владимирского села Никульское и поступил работать в строительную организацию Шатурской ГРЭС, слава о которой прогремела на всю страну. Дед по линии отца, Степан Иванович Вавилов, 1870 года рождения, до революции и после – до 1930 года – был крестьянином и при этом еще ходил на заработки в пастухи и каменщики. Бабушка, Евлампия Михайловна Вавилова, 1870 года рождения, крестьянствовала вместе с ним. Родители отца имели дом со двором, сарай, амбар, землю по наделу, одну лошадь, одну корову, четыре овцы. По одним справкам они относились к зажиточным крестьянам, по другим - к крестьянам - середнякам. С начала 1930-х годов родители жили и работали в колхозе села Никульское. В семье было пятеро детей: четыре сына (отец – четвертый ребенок) и дочь. До 1930 года отец тоже был крестьянином, при этом окончил четыре класса Никульской сельской школы.

Работая учеником каменщика в строительной конторе «Шатурстрой», он поступил на вечерние курсы строительных десятников при учебном

комбинате Ф.З.Т.К. Шатурской ГРЭС. Каменщик, строительный десятник, техник по сметам – вот начальные ступени его трудового пути в 1930-е годы. В 1939 году переведен в производственно-технический отдел ГРЭС техником-конструктором. В годы Великой Отечественной войны работал экономистом планового отдела, затем вновь техником-конструктором ПТО. А в 1966 году был назначен инженером-конструктором производственно-технического отдела, как опытейший специалист с тридцатилетним стажем.

К сожалению, жизнь так устроена, что в молодости у нас всегда не хватает времени уделять больше внимания родителям, узнать об их жизни и работе в прошедшие годы. Иногда это бывает уже слишком поздно. Николай Степанович умер рано, на 59-м году жизни, проработав на ГРЭС-5 почти 40 лет – сказалось тяжёлое и ответственное военное время. Но навсегда остался примером и образцом для подражания своим детям. Николай Степанович положил начало семейной династии энергетиков. Так великие стройки плана ГОЭЛРО меняли судьбы людей! (о семейной династии энергетиков смотреть раздел ниже - примечание Ю.Н.). Многие в этой книге я пишу по архивным документам личного дела отца, познакомиться с которым мне помогло действующее руководство ГРЭС-5.

В начале 30-х годов в жизни Николая Степановича произошло важное событие - он женился и привёз молодую жену из деревни в Шатуру. Первое время они жили в общежитии. До войны у них родились двое детей - дочь Нина (1932 г.р.) и сын Юрий (1937 г.р.), а на исходе войны второй сын Леонид (1944 г.р.). Мама не работала, занималась домашним хозяйством и детьми.

Избранницей Николая Степановича стала Мария Васильевна Луговкина - землячка, тоже уроженка села Никульское, как и он из крестьянской семьи. Её отец Луговкин Василий Павлович, 1876 года рождения погиб на полях сражений Первой мировой войны в 1917 году, а мать Луговкина Анна Ивановна, 1877 года рождения умерла, когда Марии было 7 лет. Шестеро детей остались без родителей, их разобрали по семьям родственников. Маша воспитывалась в семье дяди Семёна Ивановича Ануфриева и Надежды Тимофеевны, у которых не было своих детей. Семён Иванович тоже был участником Первой мировой войны - служил военным фельдшером. До революции 1917 года и после до коллективизации в 1932 году он относился к среднему сословию крестьян, крепко стоял на ногах. Имел дом со двором, амбар, сарай, земельный надел, а также лошадь и корову, любил и понимал пчёл. После коллективизации в селе Никульском работал пчеловодом на колхозной пасеке.

Моя мама Мария Васильевна вспоминает о своём детстве : в восемь лет она стала учиться в сельской школе, но окончила всего два класса, потому что в приёмной семье было много работы по хозяйству, особенно учитывая крутой нрав тётеньки Надежды Тимофеевны : она без всяких церемоний будила

падчерицу на ранние утренние дойки коровы, кормление поросёнка и кур. В летнее время мама - совсем ещё девчонка - часто водила в ночное рабочую лошадь дяди. Чтобы не было страшно одной, мама звала с собой сестру Алю, которая жила у других родных. Обе научились ездить верхом (без седла, что - то положив на спину лошади). Приходилось траву косить, пилить и дрова рубить, гвозди забивать, землю копать и пр.

Почему отец выбрал строительную профессию, я понял гораздо позже. В его родном селе Никульском до войны строили дома в основном из кирпича: буквально под ногами была великолепная глина, из которой кустарным способом крестьяне делали дешевый строительный материал – кирпичи. Деревянные дома в селе считались роскошью и были доступны только зажиточным крестьянам. Работа каменщика многим жителям села давала побочный заработок, в том числе моему деду, Степану Ивановичу, и его сыновьям – старшему Якову и младшему Николаю, моему отцу. Так профессия строителя стала для него единственной на всю жизнь. Уже будучи школьником первого или второго класса, папа показал мне два трёхэтажных дома. на строительстве которых он до войны работал каменщиком. Я гордился этим.

Когда читаешь архивные документы близкого тебе человека, то события страны того времени – революция, индустриализация, электрификация, коллективизация, репрессии, военный период – воспринимаются через призму его жизни и работы. Анкеты, которые заполнял Николай Степанович при приеме на работу или же в первые трудовые годы, состояли из 40 и более вопросов. Вот пример такой анкеты, заполненной 19 ноября 1935 года: где работал и в качестве кого – до 1905 года, с 1905 по март 1917 года, с марта по октябрь 1917 года, в момент Октябрьской революции, с октября 1917 года по настоящее время; состоит ли в колхозе и как относится к колхозному имуществу; не лишался ли избирательных прав сам и кто-либо из родственников и какая с ними связь; социальное положение родителей и какой собственностью они владели до и после революции; была ли у родителей наемная рабочая сила до и после революции; кто из родственников был раскулачен или подвергнулся другим репрессиям и какая связь с ними сейчас; служил ли кто-то из них у белых и какая с ними связь сейчас и т. д. Нужно отметить, что такие анкеты направлялись и по линии спецотдела ГРЭС в Клементьевский сельский совет села Никульское, чтобы сверить с ответами работников совета. Родители отца наемной рабочей силой не пользовались, крестьянское хозяйство вели сами – ведь в семье четыре сына! – и раскулачиванию не подлежали. В 1932 году дед и бабушка добровольно вступили в колхоз и добросовестно работали в нем до конца

жизни. Никто из родственников к суду не привлекался, избирательных прав не лишался.

В предвоенные годы отец активно участвовал в подготовке команд противовоздушной обороны ГРЭС-5. Привожу выдержку из характеристики на Вавилова Николая Степановича, техника-конструктора, командира взвода медико-санитарной дружины ГРЭС-5 им. В. И. Ленина: «В период с 1937 г. тов. Вавилов Н.С. все время является лучшим командиром взвода всех видов спецформирований МПВО и является ответственным за работу СОП (санитарно-обмывочного пункта – прим. автора) и подготовку его личного состава. Кроме того, он является хорошим инструктором ГСО (значок «Готов к санитарной обороне» – прим. автора), который в течение Отечественной войны подготовил 375 чел. на ГСО, а с 1.01 по 1.08.45 г. – 56 чел. Первичная организация РОКК ГРЭС-5 представляет тов. Вавилова Н.С. к награждению Почвальной грамотой Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. 30.07.45г.»

Обратите внимание на две даты – 1941 и 1937 годы. Подготовка объектов энергетики к войне началась с создания команд МПВО задолго до трагической даты! Первые итоги учения команд ПВО ГРЭС-5 подведены Приказом № 115 от 5 ноября 1938 года с премированием начальников объектовых команд станции, в том числе и Вавилова Н.С., летними костюмами военного образца.

С первого дня войны ГРЭС была переведена на военное положение. Из архивных материалов ГРЭС-5 : "В городе рыли убежища - щели, застилали их брусками и засыпали землёй. озёра вокруг станции покрывались плотами. Дымовые трубы частично были сняты, частично укорочены. В цехах у рабочих мест укрепили металлические зонты, головные части турбин закрыли железом, в котельных нижние оконные проёмы заложили кирпичом, мешками с песком, засыпали золой и шлаком. Была введена светомаскировка .

В сентябре 1941 года руководство ГРЭС получило секретный приказ о подготовке к уничтожению основного здания станции и ценного оборудования. Часть персонала была переведена на казарменное положение и установлен 12 - часовой рабочий день. В городе был создан истребительный батальон, в который вошли добровольцы - те, кто по болезни или по возрасту не мог служить в армии. Бойцы батальона несли в городе и районе охранную службу, возводили на перездах и дорогах надолбы и рогатки.

В октябре 1941 года, когда на фронте под Москвой сложилась тяжёлая обстановка, Государственный комитет обороны своим постановлением обязал ГРЭС-5 готовить оборудование к эвакуации. Был произведён демонтаж турбины № 6 мощностью 44 тыс.кВт и котлов № 16, 17 и 18. Всё энергооборудование (кроме котла № 17) было отправлено в г. Омск. Но как только положение на фронтах в центре страны резко улучшилось, в феврале

1942 года было дано распоряжение вернуть из Омска на ГРЭС эвакуированное оборудование и взрывать электростанцию не пришлось. В марте энергооборудование было доставлено. И уже во втором квартале 1942 года Шатурская ГРЭС работала на полную мощность 180 тыс. кВт, выполняя государственный план и диспетчерский график по отпуску электроэнергии.

Из всех действующих электростанций Мосэнерго только две ГРЭС-3 и ТЭЦ-6 не подвергались фашистским бомбардировкам. Воздушную охрану ГРЭС-5 несли войска 232-го артиллерийского дивизиона ПВО. Как вспоминает участник обороны Москвы Н.М. Кочкин : " Вокруг Шатуры кольцом стояли зенитные батареи. На крыше бывшей временной станции был установлен многоствольный крупнокалиберный пулемёт. Немцы пытались бомбить Шатуру четыре раза. Три бомбардировщика были сбиты, а четвёртый наши истребители заставили сесть под Ореховом - Зуевом (рядом с Шатурой). 9 ноября 1941 года на город было сброшено несколько фугасных бомб, ни одного разрушения не было, за исключением угла детского сада, и то без единой жертвы (все дети были на прогулке в городе). За весь военный период на электростанцию вражеский самолёт сбросил одну фугасную бомбу и четыре зажигательных, без серьёзных последствий для энергообъекта.

Героический труд шатурских энергетиков в годы войны был высоко оценён Советским правительством. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 апреля 1945 года коллектив Шатурской ГРЭС-5 имени В.И. Ульянова - Ленина был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Многие энергетики Шатуры получили ордена и медали. В апреле 1946 года коллективу Шатурской электростанции было передано на вечное хранение Красное знамя Государственного комитета обороны.

В числе наград Вавилова Николая Степановича - медали "За оборону Москвы", "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.", "В память 800-летия Москвы", грамота Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, значок "Отличник санитарной обороны СССР".

При знакомстве с личным делом отца большим открытием для меня стало то, что с первых месяцев войны он – в то время техник на станции – проводил большую работу при Шатурском горвоенкомате по оформлению призванных в Красную Армию (не только ГРЭС, но и других предприятий и организаций района), сопровождал призывников на сборно-призывные пункты, несмотря на все трудности военного времени. Кроме того, он выполнял особо срочные поручения по отправке корреспонденции в Московский областной военкомат.

Очень хорошо помню отца в военной форме - гимнастёрка, ремень с кобурой, брюки - галифе, заправленные в высокие сапоги. Однажды, когда папы не было дома, я случайно обнаружил в шкафу пистолет, чем очень

перепугал маму. Вечером после работы папа спокойно и коротко объяснил мне, что пистолет ему выдали для поездок в командировки.

Можно сказать, что нам - детям Николая Степановича Вавилова, по наследству перешло и желание активно участвовать в общественной работе. Отец был беспартийным. Но он многие годы избирался членом профсоюзного комитета ГРЭС-5, членом правления клуба имени Нариманова (деятеля ВКП(б) довоенного времени), секретарём участковой комиссии, доверенным лицом в республиканских выборах народных депутатов второго созыва, а также в выборах местных органов власти города Шатуры начала 50-х годов. Как представитель администрации он участвовал и в организации лекций, собраний, концертов, встреч, других мероприятиях клуба. По своему характеру и я всегда был активным участником общественной жизни и в школе, и в институте, и в Мосэнерго.

Что я помню о военном и послевоенном времени в Шатуре? Когда началась война, мне было всего четыре с половиной года... Человеческая память избирательна, и я убедился в том, что в ней надолго сохраняются моменты или события, которые сильно действуют на психику. Я запомнил две воздушные тревоги в городе. Громкие сирены на улицах. Родители срочно одели нас с сестрой, и все вместе мы спустились в бомбоубежище хлебозавода на нашей улице. Помню много людей, сидящих на лавках... Вторая воздушная тревога застала нас, когда мама вечером мыла меня в ванной. Накрытый простынями и одеялом, я просидел на кровати до отбоя воздушной тревоги: в бомбоубежище мы уже не успевали. После этого случая меня и сестру Нину вместе с мамой отвезли в Никульское в семью приёмных родителей мамы - Ануфриева Семёна Ивановича и Надежды Тимофеевны, а вернулись мы домой в Шатуру через три года к началу учебных занятий (1 сентября 1944 года я пошел в первый класс).

Мне очень нравилась работа с дедом на пасеке летом. Наша "экипировка" - специальный головной убор пчеловода с мелкой сеткой для лица, рубашка с длинными рукавами. длинные штаны, рукавицы (чтобы не было открытых частей тела) и, конечно, дымарь, сжимаемая и разжимаемая который по принципу гармошки, я направлял дым на руки деда, отгоняя пчёл. В каждом улье дед вынимал и опускал рамки с восковыми сотами, проверяя, как они заполнились мёдом. Он работал голыми руками, пчёлы иногда ползали по его пальцам, но не жалили - дед говорил, что они его знают. Приятнее было потом крутить колесо центрифуги для откачки жидкого мёда из рамок. Все улья, рамки, деревянные бочки, приспособления для переработки мёда дедушка мастерил сам. Естественно, детская одноколёсная тачка и кнут (любимые забавы сельских мальчишек) у меня были самыми лучшими.

После двух воздушных тревог в Шатуре, которые я хорошо запомнил, в селе сирены не гудели. Иногда слышал звон колоколов от деревенской церкви. Запомнился показ кино на передвижном экране летним вечером. Пришли и

взрослые и дети. Экран поставили перед входом на пасеку. Какой то человек в шляпе смешно бегал ,все смеялись. Я думаю - это Чарли Чаплин, а передвижку организовал мой дед. Клуба в селе не было.

За три года пребывания в селе Никульское я приобрёл "окающий" владимирский акцент и мама перед отъездом стала проводить со мной занятия говорить "по - городскому". Она называла слова "по -сельски и по-городскому". Слов было много, но мне особенно нравились два : "Корова и Карова"и "Москва и Масква". Занятия пошли на пользу. В конце обучения в первом классе Шатурской неполной средней школы №2 (семилетки) мне уже не говорили, что я из деревни.

Надолго запомнились длинные очереди за хлебом, который в магазинах давали по карточкам. Мальчишки отслеживали выезд хлебной машины или лошадиной повозки с хлебным фургоном от самых ворот хлебозавода, и взбудораженная очередь начинала разбираться, кто за кем (ты здесь не стоял!?). Иногда я занимал очередь, а потом успевал предупредить маму с карточками. А свежесыпеченный хлеб всегда был очень вкусным.

Незабываемый день 9 мая 1945 года. Утром я вышел из подъезда нашего дома с противогазной сумкой (в первом классе портфеля у меня не было), куда складывали тетради,учебники, ручки. На улице мальчишка постарше сказал, что война закончилась и уроков сегодня не будет. Я вернулся домой. Папа был на работе, радио не включено. Мама говорит: «Это тебя обманывают, иди в школу». Но на входе в школу нас встречала директор Анна Ивановна Калинина: «Победа! Война кончилась! Уроков не будет. Приходите завтра».

В конце войны мы, мальчишки, увидели на улицах Шатуры настоящих немцев. Это были пленные солдаты, которых под конвоем водили на работы в пригород. Мы старались подойти поближе и рассмотреть их лица, военную форму. Сердобольные русские женщины умудрялись передать им кто картошку, кто кусок хлеба. Немцы в знак благодарности пытались отдать у кого что было - зеркальце, расчёску, губную гармошку, ложку, другую мелочь.

В послевоенные годы отец, как высококласный специалист - конструктор производственно - технического отдела занимался реконструкцией действующего оборудования одного из первенцев плана ГОЭЛРО ГРЭС-5 и строительством жилых домов, часто выезжал в командировки в Москву - в Мосэнерго для согласования необходимой документации. В одну из таких поездок летом 1951 года папа взял и меня - ученика 7-го класса. Вместе с ним я побывал на Красной площади, в Третьяковской галерее, на стадионе "Динамо"(футбольный матч Динамо - ЦДКА) и в здании Мосэнерго на Раушской,д.8 (думаю, это было знаковым событием - ведь потом я проработал здесь 23 года, как заместитель генерального и начальник отдела социальных программ Мосэнерго !). Эта первая поездка в Москву, да ещё с отцом, запомнилась мне на всю жизнь.

С 1946 по 1951 годы наша семья стала жить в частном доме в пригороде Шатуры вместе с приёмными родителями мамы Ануфриевым Семёном Ивановичем и Надеждой Тимофеевной. Папа рассказал, что они попросили переехать в Шатуру - вести хозяйство в селе Никульском по возрасту (около 70 лет) одни не могут, первые послевоенные годы были неурожайными, возникли проблемы с продовольствием. Все также понимали, что три военных года в Никульском жили двое детей и мама. Папа сдал две комнаты, которые занимала наша семья в трёхкомнатной квартире города, и перевезли Семёна Ивановича и Надежду Тимофеевну в деревенский дом с земельным участком. К моей огромной радости дед Семён привёз из Никульского два улья с пчёлами и мы ещё продолжили вместе летнюю работу с ульями и мёдом.

Конечно, жизненные условия в городской квартире и сельском доме резко отличаются, появились корова и куры, огород со многими делами и заботами, чтобы прокормить большую семью. Но в школу мне и сестре теперь надо идти около получаса (автобусов тогда в Шатуре не было). Мы - дети всегда помогали родителям работать на земле. Как быстро и ловко родители - владимирские крестьяне - копали землю, пропалывали, окучивали, сажали овощи, поливали грядки и растения. Большую часть посадок занимала картошка. Я помогал папе и часто сам ходил с ведром за родниковой водой для кухни из колодца (200 м от дома). Осенью, когда убирали картофель, папа разводил костёр и на углях пекли очень вкусное лакомство. Это были уроки на всю жизнь! Я и сейчас на даче люблю возиться с землёй - это по наследству от родителей. Вспоминая сегодня этот послевоенный период жизни нашей семьи в пригороде с его трудностями и лишениями, считаю это решение Николая Степановича и Марии Васильевны единственно правильным по отношению к приёмным родителям мамы. Добром ответили за добро! На Шатурском кладбище все четыре могилы находятся рядом.

Источниками тепла в доме была печка и кухонная плита, которые топили дровами. Но зимой, возможно в 1947 году, печь иногда подтапливали кусковым торфом, который подвозили на ГРЭС. Однажды соседи-сверстники пригласили и меня за торфом. Наше нехитрое «снаряжение» – санки, мешок, веревка и, самое главное, крюк из толстой проволоки. По узкоколейной железной дороге состав с торфом в специальных невысоких вагонах на подъезде к станции движется медленно. Ребята выстраиваются шагах в десяти друг от друга. Пока состав не въехал на территорию станции, надо успеть крюком сбросить куски торфа с проезжающих вагонов, затем собрать в мешок и привязать к санкам. Узнав об этом, папа не одобрял моих «походов» за торфом, и я ходил с ребятами только два раза.

. На ГРЭС-5 отец проработал 39 лет, положив начало семейной династии энергетиков. Моя старшая сестра, Нина Николаевна, после окончания в 1950 году Шатурского энергетического техникума была направлена по распределению на Южно-Кузбасскую ГРЭС в город Калтан Кемеровской области, где проработала 42 года. Она также была активным организатором клубных мероприятий на станции. Младший брат, Леонид Николаевич, избрав профессию строителя, 36 лет трудился в строительном управлении Шатурской ГРЭС-5 мастером, прорабом, начальником участка. Участвовал в самодеятельности клуба электростанции.

Моя жена, Лариса Павловна, медик по профессии, тоже внесла свою лепту в семейный энергетический стаж: девять лет она работала в детском комбинате ТЭЦ-22, который находился на балансе станции. Я очень рад, что мой старший сын Дмитрий продолжил семейную традицию. В 1989 году он также окончил Московский энергетический институт, получил специальность инженера-электрика и стал работать в моей родной Московской энергосистеме. Он прошел прекрасную производственную и административную школу, работая сначала инженером в СКТБ ВКТ, а затем на ТЭЦ-27 мастером, и пройдя все ступени роста, начальником электроцеха и заместителем директора по административно - хозяйственной части. Дмитрий родился 14 июля 1966 года, и имя ему было дано не случайно. В октябре 1965 года моя жена, Лариса Павловна, в ожидании первого ребенка лежала «на сохранении» в больнице поселка Дзержинский (с 1982 года – город Дзержинский), рядом с ТЭЦ-22. Больница располагалась на первом этаже одного из зданий бывшего Николо-Угрешского монастыря. В связи с работой в цехе я не смог навестить жену в часы приема посетителей и вечером решил поговорить с ней через окно. Для этого надо было перелезть через ветхий штакетник под окнами больницы. Я перелез через забор, мы поговорили. Были уже ранние сумерки, и когда я обратно лез через забор, случайно зацепился полкой плаща за штакетину и порвал его. Пробираясь к выходу через заросшую мелким кустарником и травой территорию монастыря, я натолкнулся на полуразрушенную часовню со старославянским текстом, который меня заинтересовал. Но чтение решил отложить и пришел к часовне снова в другой раз – уже днем. Что же я прочитал? В 1380 году московский князь Дмитрий собрал войско и двинулся навстречу татарскому хану Мамаю, чтобы сразиться с ним. Первый привал Дмитрий сделал именно здесь – в Угреше. Во сне князю было явление Богородицы, которое он воспринял как знамение победы над татарами. Дмитрий выиграл битву на Куликовом поле, стал именоваться Донским и в память о явлении Богородицы повелел заложить в Угреше монастырь. Я рассказал Ларисе и про плащ, и про часовню, и предложил назвать будущего сына (я очень верил в то, что наш первенец будет мальчиком!) Дмитрием. Так оно и произошло. Сейчас в городе Дзержинский восстановлен прекрасный Николо-

Угрешский монастырь, на центральной площади сооружен величественный памятник князю Дмитрию Донскому (скульптор В.М. Клыков). Сегодня сын Дмитрий – директор по охране труда, промышленной безопасности, экологии и качеству в генерирующей компании ПАО «ЭЛ5-Энерго», его стаж в энергетике – 36 лет.

Второго сына, который родился в 1972 году, в память о моем отце мы назвали Николаем – так захотела Лариса. В настоящее время Николай – сотрудник холдинга «Росэлектроника». Я познакомился со своей будущей женой, Ларисой Тихоновой, в родной Шатуре осенью 1960 года, когда ожидал решения о своем трудоустройстве на ТЭЦ-22. Позже, когда я уже работал на станции, наши встречи в Шатуре продолжались. В феврале 1963 года мы поженились и отметили в 2018 году 55 лет совместной жизни (изумрудная свадьба). К большому сожалению в январе 2023 года, за месяц до 60-летия совместной жизни Ларисы Павловны не стало (онкология).

Столько лет вместе – и в радости, и в печали – сохраняли семейный очаг! Сердечно благодарен Ларисе за долготерпение к непростой жизни мужа-энергетика: аварийные вызовы и пусковые периоды новых блоков ТЭЦ-22, ненормированные дни работы на руководящих должностях. Огромное спасибо за двух сыновей – Дмитрия и Николая. Сегодня нас радуют внуки – Софья, Юрий, Матвей. Полвека из 56 лет моего трудового стажа отдано служению Московской энергетической системе. А общий семейный стаж Вавиловых в энергетике – если говорить о членах семей брата и старшего сына – сегодня составляет 269 лет !

Хочу немного рассказать и о маме. Мария Васильевна Вавилова (девичья фамилия Луговкина) родилась так же, как и папа, в селе Никульское Петроковской волости Владимирской губернии 25 февраля 1910 года.

Об истории и жизни нашей семьи она рассказывала больше, чем папа. Мама была очень доброй, часто помогала другим людям, причем, иногда своеобразно. Например : "В период проживания нашей семьи в пригороде рядом с нашим домом жила беднейшая семья Кожиных. Глава семейства был хромым и работал сторожем, жена не работала – в семье было шестеро детей, из них две девочки-близняшки. Соседка при встрече охала маме о своих заботах и жаловалась, что надо собирать близнецов в школу, а платья-то и другая одежда у них старые! Через несколько дней соседка, переговариваясь с мамой через забор, сказала, что кто-то ночью на крыльцо положил материал на платья – Бог, дескать, помог. Мама тоже была рада, что помогла.

Однажды мама привела с улицы в дом беженку и накормила ее супом-лапшой. Я сидел и слушал их разговор. Женщина была полячкой, шла в Москву пешком, чтобы потом вернуться домой в Польшу. Интересно было слышать русские слова с акцентом, смотреть, как культурно она ела, не задевая ложкой тарелку, (таковы были мои мальчишеские впечатления).

. С интересом вспоминаю, как мама, имея всего два класса сельской школы проверяла в моих тетрадях выполненные домашние задания, просила с выражением прочитать наизусть стихотворения, но в 4 классе ее контроль стал, естественно, другим. Она спрашивала, сколько раз я прочитал заданный урок, просила немного рассказать вслух. Если я где-то спотыкался, советовала еще раз прочитать и пересказать. При необходимости здесь уже помогала старшая сестра Нина."

На родительские собрания в школу всегда ходил папа. Родители и учителя были довольны моей учёбой – вплоть до 10 класса я был круглым отличником. Первые семь классов я закончил в Шатурской неполной средней школе № 2. Сначала четыре года нас учила Глафира Ивановна Суворова – пожилая учительница из семьи русской интеллигенции, она была прекрасным педагогом. Первая учительница – это память навсегда. В пятом классе пришли учителя по разным предметам, классным руководителем была Антонина Михайловна Арзамазова. Как молодой классный руководитель она очень разнообразила нашу внеклассную жизнь, интересно проводила классные собрания – иногда вместе с родителями – и сдружила весь наш класс. По успеваемости класс был одним из сильнейших в школе. После семилетки (а тогда обязательным было семилетнее образование) большинство учащихся перешло в 8 класс уже другой средней школы – № 1. И Антонина Михайловна, к нашей радости, перешла с нами в другую школу, оставшись нашим классным руководителем до 10 класса. Уже позже, работая заместителем управляющего Мосэнерго по кадрам, я познакомился с директором Западных электрических сетей Николаем Семеновичем Арзамазовым. И вдруг выяснилось, что мы оба из Шатуры, а моя любимая классная руководительница Антонина Михайловна – это его жена! Мир тесен..

В 1954 году, окончив Шатурскую среднюю школу № 1 всего с двумя "хорошо" и четырьмя "отлично", я получил от родителей прекрасный подарок - наручные часы "Победа", которые надёжно были со мной не менее 15 лет. Моё решение поступать в институт было для папы несколько неожиданным : в его планах - Шатурский энерготехникум (как Нина) и работа на ГРЭС. Папа сожалел, но меня поддержал.

я поступил учиться в Московский энергетический институт на электроэнергетический факультет. Студенческие годы – одни из лучших в моей жизни. И только на третьем курсе я почувствовал себя настоящим студентом прекрасного вуза. Жизнь института была интереснейшей: учёба, спорт, культурные мероприятия, вечеринки. Почти все поэты-шестидесятники: Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Эдуард Асадов и другие выступали в переполненном зале Дома культуры МЭИ. А в 1957 году в жизнь страны вошло важное событие – Всемирный фестиваль молодежи и

студентов в Москве, которого мы, студенты 3 курса, к большому нашему сожалению так и не увидели. В августе, за неделю до открытия фестиваля, мы по комсомольским путевкам (именную путевку я храню до сих пор) выехали в товарных вагонах на уборку урожая на Алтай, на целину. Там, в трудовых буднях, мы увидели друг друга как бы с другой стороны, и наша группа Э-4Т-54 стала еще дружнее. Все ребята работали помощниками комбайнера на копнителе (так называется прицеп к комбайну). Однажды комбайнер попросил меня остаться и поработать в вечернее время – обычно мы заканчивали работу с наступлением сумерек. Он хотел перекрыть выработку других комбайнеров, и я не мог ему отказать. При свете фар мы работали примерно до полуночи, когда, выключив двигатель, комбайнер пожал мне руку и сказал: «Отдыхай». По окончании уборки урожая, перед отъездом, несколько студентов и я были награждены медалью «За освоение целинных земель», что было совершенно неожиданно и очень приятно. Эта медаль и звание «Заслуженный энергетик Российской Федерации» – самые дорогие награды в моей жизни.

В 1960 году я получил диплом инженера-электрика по специальности «электрические станции, сети и системы» и был распределен на работу в п/я № 30 Министерства среднего машиностроения в город Мелекес Ульяновской области. Однако на месте оказалось, что ТЭЦ, на которой я должен был трудиться, не только не введена в эксплуатацию, но даже не завершено строительство главного корпуса. В апреле 1960 года меня определили мастером трансформаторно-масляного хозяйства на подстанцию с двумя трансформаторами по 560 кВА каждый, где я проработал четыре месяца, выполняя отдельные задания руководства, что в какой-то момент меня не стало устраивать. По обоюдному согласию трудовой договор был расторгнут, и я вернулся в родную Шатуру.

Практически сразу же передо мной встал вопрос о трудоустройстве. От своего отца и от знакомых на ГРЭС-5 я узнал о строительстве новой крупной ТЭЦ в Люберецком районе, куда уже перешли некоторые шатурские энергетики. Начальник отдела кадров, Николай Михайлович Ильин, разъяснил, что в электроцех для пуска первого блока персонал по моей специальности уже набран и проходит стажировку на действующих электростанциях. Сегодня нужен инженер по электрооборудованию в отдел капитального строительства. Я дал согласие и никогда не пожалел об этом. 24 сентября 1960 года я приступил к работе на ТЭЦ-22, которая сыграла важную роль в моем становлении как энергетика и руководителя. 30 декабря 1960 года первый блок ТЭЦ-22 мощностью 50 тыс. кВт был успешно введен в эксплуатацию, а 31 декабря руководство Мосэнерго поздравило с первой трудовой победой строителей, монтажников, наладчиков и всех работников ТЭЦ, участвовавших в пуске. В начале 1970-х годов ТЭЦ-22 достигла

электрической мощности 1 310 МВт и стала одной из крупнейших электростанций Мосэнерго.